

Перспектива преодоления социального разделения людей

А. В. Золотов¹, М. В. Попов²

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37

² Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Золотов А. В., Попов М. В. Перспектива преодоления социального разделения людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 218–232. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.207>

Проблема разделения труда, прежде активно обсуждавшаяся в философской литературе, в последние десятилетия получала явно недостаточное внимание со стороны исследователей, что осложняет понимание позитивных и негативных тенденций развития современного общества. Целью настоящего исследования является обоснование перспективы преодоления разделения общества на работников производительного и непроизводительного труда. Для этого анализируется понятие «разделение труда», исследуются основные этапы эволюции разделения труда между работниками производительного и непроизводительного труда в классовых обществах, выявляются предпосылки для преодоления такого вида общественного разделения труда и рассматривается опыт его отрицания в социалистическом обществе. Реализуется диалектический метод как позволяющий раскрывать противоречия социально-экономического развития. Проведено различие между разделением труда как дифференциацией видов трудовой деятельности и как социально-экономическим закреплением больших групп людей за экономически неоднородными видами труда. Отмечены неизбежность возникновения деления общества на работников производительного и непроизводительного труда при господстве ручного труда и подрыв такого разделения труда в условиях крупной машинной индустрии. Раскрыта возможность предупреждения массовой безработицы в условиях роботизации современной экономики при условии сокращения рабочего дня. Установлена совместимость процессов роботизации с воспроизводством общественного разделения труда. Охарактеризована тенденция к отрицанию социально-экономического закрепления работников за производительным трудом после установления советской власти. Показан прогресс этой тенденции в условиях сокращения рабочего дня до 7 часов. Преодоление разделения труда представлено как результат двух встречных процессов — включения рабочих в управление и рационализаторскую деятельность и участие работников непроизводительного труда в выполнении производственной деятельности. Установлена связь углубления разделения труда между людьми с отказом от 7-часового рабочего дня и реставрацией 8-часового рабочего дня. Сделан вывод о приближении перспективы преодоления общественного разделения труда.

Ключевые слова: общественное разделение труда, производительный труд, непроизводительный труд.

К определению разделения труда

Недавнее обращение к вопросу о разделении труда на страницах ряда философских журналов [1; 2] после продолжительной приостановки разработки этой философски значимой проблемы, безусловно, заслуживает поддержки.

Авторы этих публикаций трактуют разделение труда как дифференциацию видов трудовой деятельности. Подобное понимание вполне правомерно. Неисчерпаемость свойств противостоящей человеческому роду объективной реальности требует адекватного многообразия трудовых функций, направленных на использование всего многообразия средств производства. В процессе родовой деятельности каждый индивид, находясь в непосредственной или опосредствованной связи с другими индивидами, выполняет специфические трудовые задачи. Вне такой специфики общественный трудовой процесс неосуществим. Разделение труда, понимаемое таким образом, — неотъемлемая характеристика общественного производства с момента его возникновения.

На успешность выполнения трудовых функций влияет специфика способностей индивида. Различия в способностях работников могут привести к соответствующему распределению трудовых функций между ними. Подобные биологически обусловленные способности могут различаться в зависимости от пола и возраста — отсюда половозрастное разделение труда.

Очевидно, что обеспечение непрерывности трудового процесса, его эффективное протекание требуют, чтобы выполнение специфического вида труда осуществлялось индивидом в соответствии с нормальной для данного общества продолжительностью рабочего дня. Подобная «норма» определяется уровнем развития производительных сил: трудоспособные должны работать столько, чтобы суммарный фонд их рабочего времени при существующей производительности труда позволял удовлетворять имеющиеся общественные потребности.

При этом «норма» существенно различается для разных исторических эпох. 14–15 часов подневольного труда в сутки, без выходных и отпусков — трудовая норма раба — с современных позиций выглядят бесчеловечной эксплуатацией, но при существовавшем тогда уровне производительных сил ничего другого не могло быть. В свою очередь, нынешний 8-часовой рабочий день перестает быть нормальным по критерию соответствия потенциалу производительных сил.

Распределение трудовых функций между работниками — это всегда общественный, социальный процесс, так что подобное разделение труда не следует выводить из социального контекста. Последний проявляется прежде всего в объединении различных видов трудовой деятельности в наиболее крупные сферы экономики: производственную и непроизводственную. При всем многообразии видов трудовой деятельности индивидов в каждой из сфер эти виды имеют объективную общность содержания и результатов. Эта общность, с одной стороны, конкретизируется, а с другой — сужается в охвате видов деятельности при формировании отраслевого разделения труда. Ввиду масштабного характера подобного разделения труда его можно характеризовать как общее разделение труда.

В качестве особенного рассматривается разделение труда между самостоятельными экономическими единицами — предприятиями, которые охватывают виды трудовой деятельности, реализуемые в рамках кооперации труда.

В качестве единичного выступает разделение труда непосредственно между индивидами. Специфика объективных условий осуществления индивидом его трудовой деятельности отражает понятие «рабочее место».

Несомненно, подобная классификация — следствие диалектики всеобщего, особенного и единичного. Трудовая деятельность индивида всегда осуществляется в рамках определенной сферы (отрасли) экономики, а подобные сферы предстают в качестве единства труда индивидов.

Приведенная классификация абстрактна, так как исходит из различия содержания и результатов труда безотносительно к тому, как влияет дифференциация видов труда на развитие индивидов. Между тем в зависимости от видов выполняемой деятельности такое влияние может существенно различаться. Это дает основание для выделения экономически неоднородных видов труда: производительного и непроизводительного, умственного и физического и т. д.

Производительным в общеэкономическом смысле является тот труд, основным и непосредственным результатом которого выступают удовлетворяющие потребности вещи, энергия или их перемещение в пространстве. Когда результатом труда предстают новые идеи, образы или услуги, то данный труд относится к непроизводительному [3, с. 13]. (Подчеркнем: подобное определение не имеет ничего общего с характеристикой «бесполезный!»)

Долгое время производительный труд имел форму физического труда, что резко противопоставляло его труду умственному. Это объясняет, почему в анализе экономически неоднородных видов труда речь шла главным образом о разграничении умственного и физического труда.

В настоящее время было бы неправомерно отождествлять производительный труд, имеющий своим основным и непосредственным результатом вещь или энергию, с физическим трудом. Работник, непосредственно взаимодействующий с современным оборудованием, выполняет главным образом функции контроля, так что физические усилия отходят на задний план. Все же производительный труд в целом остается менее привлекательным, чем непроизводительный, включая такие его подвиды, как управленческий, научный, труд в сфере искусства и т. д. В сфере производства выше риск травматизма, более распространены тяжелые и вредные условия труда, этот труд беднее по содержанию, зарплаты работников производительного труда в среднем ниже и т. д. Следовательно, и сегодня правомерно рассматривать производительный и непроизводительный труд в качестве социально-экономически неоднородных.

В связи с этим разделение труда как дифференциацию видов трудовой деятельности необходимо отличать «от его разделения между людьми, когда экономически различные виды труда выпадают на долю определенных социальных групп и пожизненно закрепляются за ними» [4, с. 22]. Тогда общественное разделение труда — это социально-экономическое закрепление больших групп людей за экономически неоднородными видами труда.

В соответствии с таким пониманием вполне правомерно констатировать «разделение производительного и непроизводительного труда между членами общества, иначе говоря, деление общества на две обособленные группы: работников производительного и работников непроизводительного труда» [4, с. 119]. Поскольку умственный труд является разновидностью непроизводительного, то

деление общества на работников производительного и непроизводительного труда образует основание деления на занятых умственным и физическим трудом.

Безусловно, социально-экономическое закрепление за экономически неоднородными видами трудовой деятельности — не то же самое, что специализация в труде, требуемая для непрерывности трудового процесса, для поддержания организации совместного труда. Речь идет о таком способе выполнения трудовых функций, когда последние определяют образ жизни их исполнителей.

Так, «рабочий» — не просто человек, работающий у станка, а работающий настолько продолжительно (в рамках суток, недели и других периодов трудовой активности), что это, например, исключает для него объективную возможность выполнять управленческий труд в объеме, обеспечивающем нормальное функционирование кооперации труда. И, наоборот, «управленец» — отнюдь не всякий, кто выполняет какие-либо управленческие действия, а только тот, для кого управление, если не исключительный, то преимущественный вид деятельности в рамках всех периодов трудовой активности.

С учетом различной привлекательности экономически неоднородных видов трудовой деятельности требуют своего объяснения причины социально-экономического закрепления больших групп людей за выполнением менее привлекательного труда. Утопичной была бы предпосылка, что работники подобного труда в основной своей массе руководствуются сознанием его необходимости для жизни общества и добровольно жертвуют интересами собственного развития.

Основной причиной социально-экономического закрепления выступает различие в отношении собственности на решающие средства производства. Когда эта собственность концентрируется у части общества, у меньшинства, т. е. когда господствует та или иная разновидность частной собственности, собственники получают возможность выполнять более привлекательные виды труда и перекладывать производительный (физический) труд на плечи тех, кто этой собственности лишен. Такое «перекладывание» может обеспечиваться внеэкономическим принуждением, как это было в отношении рабов и крепостных крестьян, или посредством свободного найма, купли-продажи рабочей силы (в условиях капитализма).

Собственники всегда монополизировали ключевые функции управленческого труда — принятие решений по коренным вопросам общественной жизни. Остальной объем непроизводительного труда может выполняться не ими, но непременно в их интересах, в том числе в целях подчинения интересам собственников труда производительных работников. Социально-экономическое закрепление последних за выполнением такого труда — основа сохранения классового господства.

Вследствие этого разделение труда как социально-экономическое закрепление больших групп людей за экономически неоднородными видами труда выступает основой классового неравенства или производного от него существенного социально-экономического неравенства. Классовые общества меняются, но эта основа устойчиво наличествует в каждом из них. Вполне правомерно утверждение о том, что «в основе деления на классы лежит закон разделения труда» [5, с. 293].

Возникновение деления общества на работников производительного и непроизводительного труда в условиях господства ручного труда

Разделение труда как дифференциация видов трудовой деятельности, выполняемой различными индивидами, присуща общественному производству на любой стадии его развития. Реализация же его в форме классового неравенства свойственна именно классовым обществам. Между тем первобытный коммунизм — исторически исходная форма человеческого общества — был свободен от классового деления.

В рамках первобытно-общинного коммунизма кооперативный характер труда, когда много лиц планомерно работают в одном или связанных между собой процессах производства, был объективно необходимым, так как уровень развития средств производства не позволял обеспечивать потребности членов общины при индивидуальном хозяйствовании. Совместному труду соответствовала общинная форма присвоения основных результатов труда. При таких условиях управление общими делами также предполагало участие каждого. Соответственно, экономически неоднородные виды деятельности: труд по жизнеобеспечению, с одной стороны, и труд по управлению — с другой, социально-экономически не закреплялись за различными группами общества.

Это означало, что труд по производству материальных благ не поглощал всего времени социальной жизнедеятельности производителей, что у них оставалось достаточно времени для выполнения остальных общественных функций, включая управление общими делами.

Несмотря на совместный характер труда, в первобытной общине преобладали индивидуально применяемые орудия труда. С развитием этих орудий производительность труда повысилась настолько, что производство прибавочного продукта стало нормальным явлением. Отсюда — возможность перехода от всеобщего труда для собственного потребления общины к труду одних людей для обеспечения потребностей других, что обусловило отделение скотоводства от земледелия, ремесла от земледелия и появление класса купцов.

Отчуждение прибавочного продукта, создаваемого одними людьми для потребления других людей, освобожденных от материально производительного труда, привело к разложению первобытного коммунизма и утверждению рабовладения как первой формы классового общества, в котором рабы закреплялись за производительным (физическим) трудом, а рабовладельцы монополизировали труд по управлению производственной кооперацией в пределах рабовладельческих латифундий.

В чем специфика этой формы общественного разделения труда? При принудительном характере труда производство прибавочного продукта достигалось путем максимально возможного (по возможностям человеческого организма) удлинения рабочего дня рабов и сведения к минимуму времени удовлетворения их биологических потребностей. В рамках кооперации труда за рабами закреплялись определенные трудовые функции, которые чередовались в зависимости от времени года. Рабовладельцы, напротив, были исключены из всех видов производительного труда и выполняли все остальные общественные функции (или контролировали их выполнение).

При таком разделении труда прогресс производства наталкивается на барьеры, обусловленные незаинтересованностью рабов в совершенствовании орудий труда.

Подобные барьеры в значительной степени преодолеваются в рамках феодализма, так как непосредственные производители, помимо барщинного труда в рамках феодальной кооперации, на выделенных им феодалом участках ведут индивидуальное хозяйство собственными средствами производства, исключая землю как основное средство производства. Крепостные крестьяне в рамках своего хозяйства выполняют разнообразные виды производительного труда, определенные управленческие функции, они располагают некоторым временем досуга, что выгодно отличает их положение от положения рабов.

Цеховая регламентация обеспечивает закрепление ремесленников за выпуском определенных продуктов. Благодаря этому прогрессирует искусность ручного труда, повышается его производительность.

Предельное развитие дифференциации трудовых функций при господстве ручного труда достигается в рамках капиталистической мануфактуры с ее тенденцией к разделению трудового процесса на элементарные функции, выполняемые отдельными работниками — «частичными рабочими». Чем элементарнее трудовые функции, закрепленные за отдельными работниками, тем выше производительность совместного труда. Прогресс кооперации труда осуществляется здесь посредством одностороннего развития индивидов.

Следует констатировать, что прогресс производительных сил при господстве ручного труда закономерно приводит к возникновению социально-экономического закрепления определенного класса за выполнением производительного труда. Речь идет о закреплении за определенной трудовой функцией или их некоторым набором в течение всей трудовой жизни. Это необходимое условие развития трудовых навыков и совершенствования орудий и предметов труда, обеспечивающих повышение производительности ручного труда.

Трудовая жизнь начинается в раннем детстве и завершается практически непосредственно перед смертью работника, что связано с ограниченным размером создаваемого необходимого продукта и присвоением прибавочного продукта господствующим классом.

В противовес большинству членов общества, занятых производительным (физическим) трудом, меньшинство социально-экономически закреплено за управлением общественными делами и осуществлением функций духовного производства.

Разделение производительного и непроизводительного труда между членами общества в условиях капиталистической машинной индустрии

Утверждение машинной индустрии в качестве технической основы общественного производства порождает тенденцию к подрыву деления общества на работников производительного и непроизводительного труда.

Периодическое обновление станков и оборудования, притом что эти периоды имеют тенденцию к сокращению, отрицает необходимость пожизненного закрепления рабочих за одной и той же трудовой функцией. От рабочих требуется способность адаптироваться к изменениям в технике и технологиях, что делает

необходимыми обеспечение соответствующего уровня общего и профессионального образования, систематическое повышение квалификации и профессиональной переподготовки. Благодаря этому рабочие становятся способны осуществлять рационализацию производства, выполнять некоторые функции, прежде закрепленные за инженерно-техническими работниками.

Достижение подрастающим поколением адекватной подготовки для вступления в трудовую жизнь предполагает удлинение периода обязательного школьного обучения, что существенно преобразует половозрастное разделение труда, поднимая возрастную планку достижения полной трудоспособности.

Систематическое повышение квалификации и профессиональная переподготовка работников, объективно необходимые в условиях прогрессивных преобразований в техническом базисе производства, требуют сокращения рабочего дня и увеличения времени для свободного развития способностей. Такое сокращение образует закономерность экономического развития, хотя, наталкиваясь на барьеры, обусловленные сиюминутными интересами работодателей, предполагает организованную профсоюзами борьбу работников. Сокращение рабочего времени расширяет возможности участия рабочих в выполнении управленческих функций, например, в рамках профсоюзов.

Превращение средств производства в технологическое применение науки, в материализованную силу общественного знания позволяет повышать общественную производительность труда независимо от ограниченных физических возможностей работников. В результате экономия труда в сфере производства достигает размеров, позволяющих сочетать рост объемов выпуска с увеличением масштабов непродуцированной социальной деятельности, включая труд, не являющийся непосредственно производительным, и деятельность в рамках времени, свободного от труда.

Вместе с тем в условиях капиталистической общественно-экономической формации экономия труда в производстве реализуется преимущественно в форме сокращения численности рабочих, сначала относительно численности занятых в непродуцированной сфере, а затем и абсолютного. Следствием этого становится возрастание занятости в непродуцированной сфере, причем в форме социально-экономического закрепления за непродуцирующим трудом. Соответственно, с развитием капитализма проявляется тенденция к снижению численности рабочего класса и увеличению численности социальных слоев, занимающих промежуточное положение между классом капиталистов и рабочим классом.

В результате преобладающая и все возрастающая часть общества выводится из сферы производительного труда, выполняя виды деятельности, более благоприятные для развития человека. Такой путь освобождения от негативных последствий закрепления за производительным трудом не обеспечивает, однако, преодоления деления общества на классы, поскольку рабочий класс воспроизводится, хотя численность его и уменьшается. Признание подобного изменения социальной структуры современного общества прогрессивным означает, на наш взгляд, «пожелание того, чтобы на рабство труда, на принудительный труд обрекалась возможно меньшая часть общества. И это есть самое большее из того, до чего добираются те, кто стоит на капиталистической точке зрения» [6, с. 265].

Научно-технический прогресс при капитализме, требуя от рабочих способности к перемене труда, в общем и целом не выводит эту перемену за рамки выполне-

ния функций производительного труда. Так, сохраняется отчуждение рабочих от принятия ключевых управленческих решений, осуществляемого собственниками средств производства и действующими в их интересах менеджерами. Участие рабочих в рационализации не отменяет выделения слоя инженерно-технических работников. Несомненно, перевороты в технике сами по себе не в состоянии упразднить социально-экономического закрепления за производительным трудом.

Равным образом прогресс современных информационных технологий не освобождает от социально-экономического закрепления за непроизводительным трудом. Больше того, в ряде случаев проявляется тенденция к выходу рабочего дня за рамки его общественно нормальной продолжительности, диктуемая интересами максимизации прибыли. Более благоприятные условия такого труда и его меньшая тяжесть в сравнении с трудом рабочих делают здесь возможным увеличение рабочего времени до таких пределов, которые едва ли достижимы в современном производстве: до 14 часов в день, как это имеет место у молодых финансовых аналитиков в ряде нью-йоркских фирм или у служащих двух американских инвестиционных банков, ставших предметом специального исследования [7, р. 134].

Ситуация принципиально не изменяется в условиях роботизации экономики. Роботизация в производстве ведет к ликвидации прежних рабочих мест и созданию меньшего числа новых, обеспечивающих повышение производительности труда занятых на этих местах рабочих. При фиксированной продолжительности рабочего времени уменьшение количества рабочих мест означает уменьшение численности занятых, но не освобождение занятых от социально-экономического закрепления за производительным трудом, пусть и с изменением содержания последнего.

Особенностью роботизации является ее способность существенно повлиять на занятость в непроизводственной сфере. При его продолжительности, соответствующей сложившимся в данной экономике нормам, труд с помощью роботов позволяет высвободить значительно большее количество труда, осуществлявшегося с помощью прежних технологий. Такое повышение эффективности имеет двоякий результат. Во-первых, непроизводственная сфера теряет способность поглощать работников, высвобождаемых из производства. Во-вторых, работники, теряющие занятость в каких-либо секторах этой сферы, не могут найти работу в других ее секторах, поскольку роботизация получает всеобщее распространение.

Тем самым, при подобном способе использования новых технологий, связанных с роботизацией, неизбежны сокращение уровня занятости в экономике и увеличение масштабов безработицы. На этом базируется пессимистический взгляд на перспективы роботизации, рассмотрение ее в качестве угрозы общественному благосостоянию [8]. Отметим, что увеличение доли членов общества, выпадающих из числа занятых, не упраздняет деления общества на работников производительного и непроизводительного труда. Оно ведет к увеличению бремени, которое вынужден нести рабочий класс, обеспечивая потребности растущего слоя безработных.

Безусловно, указанная перспектива актуализирует идею о том, что «сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти,

ставит задачу: чудовищность несчастного резервного населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала и эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» [9, с. 498–499].

Противоречие между подвижностью технического базиса современного производства и консервацией социально-экономического закрепления работников за производительным трудом частично разрешимо посредством сокращения рабочего дня. Повышение производительности труда позволяет сокращать рабочее время занятых в производстве без уменьшения уровня зарплаты. Если экономия труда будет целиком использоваться для понижения нормальной продолжительности рабочего времени, то исключается перевод занятых в безработные.

Уместно вспомнить прогноз Дж. М. Кейнса о введении к 2030 г. трехчасовых смен и пятнадцатичасовой рабочей недели [10, с. 65]. Предпосылкой прогноза было распределение труда между возможно более широким кругом лиц. Раз речь шла о сменах — форме организации труда, адекватной фабричной системе, — прогноз допускал увеличение занятости в производственной сфере. При таком условии прогнозируемое Кейнсом повышение производительности труда действительно не сопровождалось бы массовой технологической безработицей.

Вот почему кажется удивительным, что перспективы роботизации чаще всего связываются с мрачной картиной выталкивания основной части населения из разряда занятых. Если бы начиная с настоящего момента основная часть эффекта от роботизации и применения новых информационных технологий использовалась бы для сокращения нормальной продолжительности рабочего дня без понижения зарплаты, то вместо сокращения численности занятых на 50–60 % в предстоящее десятилетие можно было перейти к трехчасовому рабочему дню без увеличения безработицы.

Переход к трехчасовому рабочему дню в условиях непрерывного обновления техники и технологий создал бы благоприятные условия для ежедневного дополнительного образования каждого работника, для постоянной рационализаторской деятельности. При таких условиях не исключена возможность систематической перемены рабочими функций производительного труда, например работа на разных видах оборудования, в рамках программ обогащения содержания труда. Очевидно, что был бы достигнут уровень развития всех членов общества, предельно возможный в рамках воспроизводства общественного разделения труда при капитализме.

Сокращение рабочего дня в масштабах, адекватных потенциалу современного НТП, само по себе не упразднило бы общественного разделения труда. В рамках экономической деятельности сохранилось бы деление на тех, чьим уделом является производительный труд, пусть и ограниченный тремя часами в день, и тех, кто три часа в день выполняет непроизводительный труд. Социально-экономическое закрепление больших групп за неоднородными видами труда осталось бы, хотя и не в той форме, в какой оно существует сегодня, когда время труда охватывает основную часть социальной жизнедеятельности людей.

Вместе с тем труд, занимающий меньше трети времени социальной жизнедеятельности в сутки, ежедневное дополнительное образование, включающее освоение научных основ производства и других видов трудовой деятельности, систематическое участие в практике управления предприятиями — все это образует объективные предпосылки для преодоления разделения труда между людьми.

Опыт и тенденции отрицания разделения общества на работников производительного и непроизводительного труда

Так как закрепление определенного класса за производительным трудом обусловлено монополией частной собственности на основные средства производства, то отрицание разделения труда предполагает утверждение общественной собственности. Только при этом условии исчезает класс, живущий за счет присвоения прибавочного продукта, создаваемого классом непосредственных производителей, и потому заинтересованный в консервации общественного разделения труда.

В XX в. замена частной собственности общественной происходила в целом ряде стран, что позволяет анализировать исторический опыт преодоления разделения труда. В этом отношении особенно богат советский опыт.

Формирование советов как органов представительства заводских коллективов открыло возможность делегатам-рабочим периодически участвовать в решении коренных вопросов развития страны. Так, проявилась тенденция к сочетанию исполнительского труда и ключевых управленческих функций в деятельности рабочих.

После введения 8-часового рабочего дня основная масса промышленных рабочих включалась в управление общественными делами через профсоюзные организации, участие в профсоюзных собраниях, конференциях, в работе выборных профсоюзных органов.

Мера управленческой активности рабочих — членов коммунистической партии была существенно выше, чем у большинства рабочих. Члены партии, участвуя в управлении, как правило, выполняли наиболее ответственные и потому самые трудоемкие функции.

В 1920-е годы профсоюзы выступили организаторами производственных совещаний как массовой формы участия рабочих в обсуждении производственных проблем и выявлении путей их решения.

Весьма широк был рабочий актив Рабоче-крестьянской инспекции, контролировавшей деятельность органов государственного управления.

Все это подтвердило принципиальную возможность сочетания производительного труда и управленческих функций в деятельности каждого рабочего. Разумеется, речь не шла о том, что каждый может и готов выполнять все управленческие функции, включая требующие специальной подготовки и особых способностей. Тем не менее все имели поприще для управленческой активности, соответствующей индивидуальным склонностям и уровню подготовки.

Признавая исторические достижения первого десятилетия советской власти в деле сочетания труда у станка с участием в управлении и рационализации производства, следует отметить, что их было недостаточно для преодоления общественного разделения труда.

Депутатская деятельность рабочих имела периодический характер. В исполкомах Советов, в партийных и профсоюзных комитетах решающую роль играли освобожденные от производственной деятельности работницы, что, с одной стороны, соответствовало традициям разделения труда, перешедшим из капитализма, а с другой — отражало неготовность рабочего класса к организации управления полностью на новых началах — без выделения специального слоя управленцев. Несомненно, 8-часовой рабочий день не позволял рабочим осваивать теорию и практику управления до уровня, необходимого для выполнения всех функций управления в порядке сочетания с производительным трудом. Рационализаторская деятельность рабочих также была недостаточно действенна и масштабна, чтобы стало излишним выделение слоя инженерно-технических работников.

Прогрессу в деле преодоления разделения труда послужил переход к 7-часовому рабочему дню в советской промышленности с конца 1927 г. Дополнительный час, свободный от исполнения прямых производственных обязанностей, позволил рабочим активизировать поиск резервов повышения производительности труда. Закономерно, что именно с конца 1920-х годов начинается подъем «ударничества» в производстве, который лишь отчасти объясним непроизвольной интенсификацией труда в результате сокращения рабочего дня.

Именно в этот период разворачивается такая развитая форма рабочего контроля, как шефство заводов над госаппаратом. В ее рамках рабочие шефские бригады направлялись на определенный период времени в различные государственные учреждения для основательной проверки их деятельности с помощью инструкторов-специалистов. По завершении проверок рабочие возвращались к работе на производстве. Так начался переход к повседневному контролю за советским государственным аппаратом со стороны самих рабочих, что придало новое, более высокое качество сочетанию ключевых общественных функций в их деятельности.

Еще более значимой по критерию преодоления разделения труда стала практика «социалистического совместительства работы на производстве с работой в государственных учреждениях». В ее рамках рабочие переходили к повседневному выполнению ответственной работы в госучреждениях (в качестве заместителей начальников отделов и т. п.) после основной производственной работы. Очевидно, что на таком пути открывалась перспектива отрицания социально-экономического закрепления особого социального слоя за трудом по управлению.

Для успешного выполнения как рационализаторских, так и управленческих функций рабочие нуждаются в специальной подготовке. Показательно, что с конца 1920-х годов развернулась массовая техническая учеба, создавались курсы для ударников, участников шефских бригад, социалистических совместителей. Регулярно проводились совещания и конференции рабочих по обмену передовым опытом. Все это поднимало квалификационно-образовательный уровень рабочего класса, подготавливая его освобождение от закрепления за производительным трудом.

Для упразднения разделения труда принципиальна способность людей умственного труда выполнять функции производительного труда. Такая способность была естественна для «выдвиженцев» — рабочих, выдвинутых на руководящие должности на производстве или в советском аппарате. «Рабочие факультеты» при вузах, вечерние отделения институтов, высшие технические учебные заведения, созданные при заводах, втузы давали возможность таким рабочим получать необ-

ходимое образование. Специалисты с такой трудовой биографией способны были продолжать производственную работу в объемах, не препятствующих управленческой работе.

При всей его значимости «выдвижение» в масштабах, совместимых с нормальным функционированием промышленного производства, не могло обеспечить управленческий аппарат необходимыми кадрами и в количественном отношении, и в качественном. Основная часть новых кадров специалистов и управленцев формировалась из выпускников вузов, поступавших туда по окончании средней школы. Следовательно, для сочетания ими производительного и непроизводительного труда требовалось включение трудового обучения в школьное образование.

Практика производственного обучения в советской школе имеет продолжительную историю. Так, в послевоенные десятилетия ученики 9–10-х, а затем 9–11-х классов в специально отведенные дни работали на учебно-производственных комбинатах или непосредственно на предприятиях. Следовательно, десятки миллионов советских людей в юности получили базовые производственные навыки, которые объективно позволяли продолжать производственную деятельность, сочетая ее с непроизводительной.

Опыт работы в производственной сфере продолжался у студентов дневного обучения вузов: в форме участия в сельскохозяйственных работах, в строительных отрядах, прохождения производственной практики на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях. В результате миллионы студентов на 2–3 месяца в году становились производительными работниками, не превращаясь в рабочих.

С учетом сказанного едва ли правильно считать «дуальное образование» — сочетание теоретического обучения с производственным обучением — новацией современных европейских стран. Оно выглядит таким после свертыwania профессионального обучения в российской школе в 1990-е годы.

Выдающимся достижением в плане освоения всех основных общественных функций каждым членом коллектива стал опыт школы-коммуны А. С. Макаренко. В этой школе обучение общеобразовательным предметам органично сочеталось с сельскохозяйственным и промышленным трудом и самоуправлением коллектива учащихся. Из такой школы выходили молодые люди, во всех отношениях подготовленные к повседневному сочетанию производительного и непроизводительного (в том числе управленческого) труда.

В СССР существовала практика выполнения работниками непроизводительной сферы определенных видов производительного труда. Самой массовой формой такой работы было участие в субботниках по уборке территорий и помещений. Работники вузов, НИИ, отделов и служб предприятий привлекались также к работе на овощебазах, в летнее время направлялись в колхозы и совхозы.

Таким образом, тенденция к преодолению разделения труда между работниками производительного и непроизводительного труда имела двоякое проявление. С одной стороны, время, высвобождаемое в результате сокращения рабочего дня до 7 часов, использовалось рабочими для обучения теории и практике управления, что отрицало социально-экономическое закрепление за производительным трудом и вело к увеличению объемов и повышению значимости непроизводительных общественных функций, выполняемых в порядке сочетания с производительным трудом. С другой стороны, часть рабочего времени работников непроизводитель-

ной сферы уделялась производительному труду, что подрывало социально-экономическое закрепление за непроизводительным трудом. Реализации данных процессов способствовал синтез образования и трудового воспитания в школе и вузах.

При сокращении рабочего дня с 7 до 6 часов и менее без понижения зарплаты продолжился бы рост масштабов и роли управленческой и рационализаторской деятельности рабочих. Одновременно сокращение рабочего дня в производстве благоприятно влияло бы на участие в производственной деятельности работников непроизводственной сферы. В перспективе эти встречные процессы должны были привести к равному распределению экономически неоднородных видов труда между всеми трудоспособными и, следовательно, к преодолению старого разделения труда.

Следует отметить, однако, что в СССР после введения 7-часового рабочего дня не только застопорилось его дальнейшее сокращение, но и проявилась прямо противоположная тенденция — к удлинению до 8 часов. Если в предвоенные годы и первый послевоенный период это было оправданно, то реставрация 8-часового рабочего дня в 1967 г. безусловно, означала регресс.

Отказ от сокращения рабочего дня и его последующее удлинение препятствовали разворачиванию участия рабочих в управлении и консервировали их социально-экономическое закрепление за производительным трудом. При таких условиях было неизбежно использование повышения производительности труда для увеличения численности социальных групп, социально-экономически закрепленных за трудом непроизводительным. Несмотря на то что работниками непроизводительного труда становились люди, получившие в школе и вузе начальные производственные навыки, в силу отделения таких работников от производительного труда эти навыки оставались невостребованными в общественном производстве. Тем самым происходило расширенное воспроизводство данного вида социального разделения людей.

Подобная негативная тенденция находила свое выражение и в сфере идеологии. Так, стало нормой прославление «рабочих династий», олицетворяющих закрепление за производительным трудом на протяжении нескольких поколений. Была предана забвению недвусмысленная идея Энгельса: «...настанет время, когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора. Хорош был бы социализм, увековечивающий профессиональных тачечников!» [5, с. 206].

Несомненно, тенденция к углублению разделения труда на протяжении последних десятилетий существования СССР доминировала над тенденцией к его преодолению, что не случайно завершилось восстановлением классового общества, хотя и в его самой высокой, капиталистической форме.

Таким образом, преодоление разделения между работниками производительного и непроизводительного труда остается сегодня исторической перспективой. Вместе с тем наличие практического опыта такого преодоления наряду с ускорением современного технического прогресса делают эту перспективу все более близкой к осуществлению.

Литература

1. Щедровицкий П. Г., Кузнецов Ю. В. От разделения труда к разделению деятельности // Философские науки. 2014. № 6. С. 49–64.
2. Щедровицкий П. Г., Кузнецов Ю. В. Адам Смит о разделении труда // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 27–38.
3. Золотов А. В., Попов М. В. Философия производительного труда. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 160 с.
4. Ельмеев В. Я., Полозов В. Р., Рященко Б. Р. Коммунизм и преодоление разделения между умственным и физическим трудом. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 144 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. 828 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т. 26, ч. 3. 681 с.
7. Lakey G. Viking Economics: How the Scandinavians Got it Right — and How We Can, Too. Brooklyn: Melville House, 2016. 289 p.
8. Ford M. The Rise of Robots. Technology and the Threat of Mass Unemployment. London: Oneworld Publications, 2015. 334 p.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 920 с.
10. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67.

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2017 г.;
рекомендована в печать 8 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Золотов Александр Владимирович — д-р экон. наук, проф.; zoav6@iee.unn.ru
Попов Михаил Васильевич — д-р филос. наук, проф.; popovmvdom@mail.ru

The perspective of the overcoming of the social division between the people

A. V. Zolotov¹, M. V. Popov²

¹ Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
37, Bolshaya Pokrovskaya ul., Nizhni Novgorod, 603950, Russian Federation

² St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Zolotov A. V., Popov M. V. The perspective of the overcoming of the social division between the people. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 2, pp. 218–232. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.207>

The problem of labor division has been discussed actively previously in the philosophical literature. However, during the recent decades, this problem has been getting little attention from the researchers. It makes the understanding of positive and negative trends in the development of modern society more difficult. The present research aims to reveal the perspective of the overcoming the division of society into the productive and unproductive labor. For this purpose the concept of “labor division” is analyzed, the main stages of evolution of labor division between the workers of productive and unproductive labor in class societies are analyzed, the premises to overcome this type of social labor division are revealed, and the experience of its negation in socialist society is discussed. A dialectal method as the one allowing to discover the contradictions of social, economic development are realized. The difference is shown between the division of labor as a differentiation of labor activity types and as a social-economic consolidation of large groups of people for economically heterogeneous labor types. The inevitability of the division of society into the workers of productive and unproductive labor in conditions of manual labor domination and undermining of such labor division in conditions

of a large machine industry are depicted. The opportunity of mass unemployment prevailing in conditions of modern economics robotization alongside with the working day reducing is discovered. The compatibility of robotization with the reproduction of social labor division is found. The tendency to the negation of social and economic consolidation of workers for the productive labor after the establishment of Soviet power is characterized. The progress of this tendency through reducing of working day to 7 hours is shown. Labor division overcoming is shown as the result of two counter-processes — the inclusion of workers into the control and rationalization of production on the one hand and the participation of the workers of unproductive labor in fulfillment of productive activity on the other. The connection of the social labor division progress with the restoration of an 8-hours working day is found. The conclusion about the future perspective of social labor division overcoming has made.

Keywords: social division of labor, productive labor, unproductive labor.

References

1. Shchedrovitsky P.G., Kuznetsov Y.V. Ot razdeleniia truda k razdeleniiu deiatel'nosti [From the labor division to the activity division]. *Filosofskie nauki*, 2014, vol. 6, pp. 49–64. (In Russian)
2. Shchedrovitsky P.G., Kuznetsov Y.V. Adam Smit o razdelenii truda [Adam Smith's ideas on the division of labor]. *Voprosy filosofii*, 2016, vol. 5, pp. 27–38. (In Russian)
3. Zolotov A.V., Popov M.V. *Filosofia proizvoditel'nogo truda* [Philosophy of the productive labor]. Nizhni Novgorod: Izd-vo NNGU, 2006. 160 p. (In Russian)
4. Elmeev V. Ya., Polozov V.R., Ryachenko B.R. *Kommunizm i preodolenie razdeleniia mezhdum umstvennym i fizicheskim trudom* [Communism and overcoming of division between the mental labor and the manual labor]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1965. 144 p. (In Russian)
5. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works], 2nd ed., vol. 20. Moscow, Politizdat, 1961. 828 p. (In Russian)
6. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works], 2nd ed., vol. 26, pt. 3, Moscow, Politizdat, 1964. 681 p. (In Russian)
7. Lakey G. *Viking Economics: How the Scandinavians Got it Right — and How We Can, Too*. Brooklyn, Melville House, 2016. 289 p.
8. Ford M. *The Rise of Robots. Technology and the Threat of Mass Unemployment*. London, Oneworld Publications, 2015. 334 p.
9. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works], 2nd ed., vol. 23. Moscow, Politizdat, 1960. 920 p. (In Russian)
10. Keynes J.M. Ekonomicheskie vozmozhnosti nashikh vnukov [Economic possibilities for our grandchildren]. *Voprosy ekonomiki*, 2009, vol. 6, pp. 60–67. (In Russian)

Author's information:

Aleksandr V. Zolotov — Doctor of Economics, Professor; zoav6@iee.unn.ru

Mikhail V. Popov — Doctor of Philosophy, Professor; popovmvd@mail.ru